



УДК 1+39  
ББК 87+63.5

## «ВЛАСТЬ» ПРОСТРАНСТВА

*Г.П. Кибасова, А.В. Петров, Т.К. Фомина*

Статья посвящена процессу освоения природного пространства человеком и формированию представлений о нем, что является важнейшим условием каждодневного существования человека. Семиотика пространства имеет исключительно важное значение для этнической картины мира, поскольку неизбежным ее фундаментом является пространственная модель универсума.

*Ключевые слова:* природное пространство, социальное пространство, семиотика пространства, этническая картина мира, пространственная модель универсума.

История человечества – есть освоение и превращение человеком природного пространства в социокультурное. В свою очередь, природно-географические и климатические условия существования человека и общества накладывали свой отпечаток на процесс освоения (темпы, направленность, размах) и на особенности представлений о пространстве. О влиянии природной среды писал уже Гиппократ. В работе «О воздухах, водах и местностях» он отмечал, что различия между народами объясняются прежде всего местонахождением страны. Начиная с эпохи Просвещения зависимость народов от местности и климата стала излюбленным объектом споров. С распространением социальности на всю сферу культуры (К. Маркс, Э. Дюркгейм, Л.С. Выгодский) всякие попытки увязать «факты сознания», «высшие психические функции» или «коллективные представления» с планетарными явлениями квалифицировались как «географический детерминизм». Но дело ведь не в географии, а именно в особой энергетике природно-ландшафтной среды обитания и способах адаптации к ней человека. Об этом и пойдет речь в данной статье.

Исторически генезис пространственных представлений идет как бы по двум параллельным направлениям: во-первых, освоение при-

родно-географического пространства с учетом реальных потребностей человека и общества; во-вторых, как осмысление этого процесса, преобразование эмпирических представлений в образы и мыслительные категории. Освоение земной поверхности – одна из доминант жизнедеятельности человека. Уже homo erectus (человек выпрямленный) обладал высокой степенью мобильности. Неандертальцу выпала участь жить в Ледниковый период, который начался примерно 200 тыс. и закончился около 15 тыс. лет назад. Эта экологическая ситуация заставила человека искать новые и новые экологические ниши и совершенствовать механизм внутрigrupповых отношений. Человек разумный (homo sapiens sapiens) выработал действенные механизмы адаптации к различным природным условиям, что позволило ему менее чем за 100 тыс. лет освоить почти все пригодные для его проживания территории на всех континентах.

Принято считать, что активная роль в формировании знания о природном пространстве принадлежит человеку, как мыслящему, чувствующему субъекту. С этим трудно согласиться. Природно-географическое пространство – это не квадратные километры территории, не сумма воды, воздуха, камня и всякой «зелени». У него есть собственные механизмы. Ландшафт Земли – есть производящая поверхность, плодами деятельности которой являются флора, фауна, да и сам человек. Поэтому этническая картина мира, этнические стереотипы поведения, особеннос-

ти характера, формы материальной культуры, миграционные потоки, специфика социального развития обусловлены не только культурой, но и конкретной природной средой обитания человеческого сообщества.

Природно-географические (ландшафтные, климатические, биосферные) и геополитические пространства, с одной стороны, это внешние по отношению к человеческому сообществу факторы, с другой – это та органическая контекстуальность, которая, будучи освоена сознанием и поведением людей, становится внутренней структурой и особой семантикой этнической культуры. В этом отношении этническая картина природы, отраженная в языке, мифологии, фольклоре, обыденном мирозерцании и религиозности народа, а позднее в формах специализированной культуры – в философии, искусстве, словесности, а также в образе жизни и культуре повседневности, становится частью культуры, относящейся к ее глубинным, матричным пластам.

С.М. Соловьев, а затем и В.О. Ключевский не случайно свои исторические курсы начинают с анализа русской природы и ее влияния на историю народа: именно здесь, в природном наследии закладываются основы этнического менталитета и характера любого народа. Русская равнина и ее почвенное строение, пограничье леса и степи, река и бескрайнее поле, речная сеть и междуречье, суровый климат и сложные взаимоотношения с соседними народами – все это формировало и мировоззрение русского народа, и фольклорные фантастические образы, и народную философию, и характер земледелия, и тип хозяйственной деятельности, и образ жизни, и тип государственности. Иначе говоря, все эти природно-географические факторы, пережитые и переосмысленные в их системности, становятся сеткой координат улавливания и понимания окружающего мира, являются основой менталитета народа.

Эта «власть земли» [7] над русским человеком превратилась в особый культ ее почитания как всеобщей Матери (Мать – сыра земля), сохранившийся и в христианстве в особом почитании Пресвятой Богородицы. Этот культ был настолько важен для становления и развития русского этноса, русской культуры, обще-

ственного строя и государственности на Руси, что это своеобразно отразилось в самоназвании русского народа. Не раз отмечался тот факт, что представители различных стран, народов по-русски называются именами существительными, и только русские именуют себя именем прилагательным – как воплощение своей принадлежности существу, причастности предмету высшему и самоценному по сравнению с людьми, составляющими народ [1, с. 116–153]. Этой высшей сущностью является Русская Земля. «Комплекс принадлежности» Русской земле [2, с. 49–50] сохраняется в менталитете русского народа до сегодняшнего дня: апелляция к Родине-матери, Отчизне, к России как носительнице высших ценностей (Святой Руси) сохраняется как устойчивая доминанта этнического самосознания русских, косвенно восходящая к культу национальной природы.

Аналогичную роль в становлении других народов сыграли поймы великих рек, архипелаги и скопления островов, горы, степи, пустыни, моря и океаны, тундра и тайга и т. д. Различие природных условий, соответственно, порождало различный образ жизни, разные типы трудовой и хозяйственной деятельности, разнообразие культов, ритуалов, мифологии, различные формы общественного самоуправления и государственного устройства. Но, отметим, до последнего времени эти основы социокультурного развития народов опускаются как второстепенные.

С первых шагов в истории человек использовал природное пространство и для расширения своего ареала обитания, и как основу расширения своих пространственных представлений, и как матрицу формирования социального пространства. Первоначально люди могли выжить только благодаря умению ориентироваться на определенной жизнеобеспечивающей территории. Необходимость постоянной борьбы за выживание стимулировало систематическое наблюдение за окружающей природой, и прежде всего животными: лесные тропы животных были первыми охотничьими тропами древнейших охотников, водопои были местами поселения, места нереста рыб были первыми заповедными местами со строгими правилами поведения. Если природно-географическое пространство становится экологической нишей, параллельно процессу ее освоения идет

формирование представлений о ней как об особом для человека пространстве. Оно осознается как свое, метится, появляются первые границы и первые войны из-за нарушения границ. Осваивается экосберегающее поведение по отношению к своей территории.

Человек эту природно-географическую территорию «доставляет» своим человеческим пространством. Освоение природно-географической среды стимулирует формирование идеального образа, через который затем идет осмысление природного и социального пространства. С выделением священных мест и мифологическим наполнением представлений об этом священном пространстве (очаг, священная роща, священный камень) можно говорить о социальной организованности места обитания. Эти представления составляют основу любой этнической картины мира. Она воплощена в мифах, отражена в системе религиозных верований, воспроизводится в обрядах и ритуалах, закреплена в языке, материализована в планировке человеческих поселений и организации внутреннего пространства жилища. Каждое новое поколение получает в наследство определенную модель мироздания, которая служит опорой для построения индивидуальной картины мира каждого отдельного человека и одновременно объединяет людей как этнокультурную общность.

В человеческом восприятии природный ландшафт неминуемо наделяется символическими значениями. Формируются представления о «своем» и «чужом», «человеческом» и «сакральном» пространстве. Через традиции, религиозные представления, мифы, обряды, фольклор закрепляются представления о взаимодействии этих различных пространственных сфер. Природно-географическое пространство, ставшее определенному человеческому сообществу экологической нишей, обеспечивающей проживание и воспроизводство, обязательно наделяется свойствами «кормилицы», «матери», «берегини», то есть «Родины». Чужие природные ландшафты воспринимаются как «чужбина», как что-то опасное и непредсказуемое. Иными словами, природные пространства могут вызывать чувство симпатии или антипатии, очаровывать или разочаровывать, «пугать» или «защищать».

Мифы разных народов отражают пространственно-временные модели бытия как инвариант объективных отношений и связей в мире. Поэтому у разных народов в космологии наблюдается масса аналогий, сходных сюжетов и образов [4, с. 23–34]. Мифология содержит в себе, по выражению М. Лифшица, «разум мира» [3, с. 19], в котором отражается всеобщий смысл истории, вплетенной в ткань бесконечной природы. Этнографические и культурно-антропологические исследования показывают, что для большинства независимо развивающихся народов код двойных противопоставлений служит способом описания реальности. Пары «левый – правый», «мужской – женский», «земной – небесный» и другие образуют категориальную сетку описания реальности. В глобальном масштабе данные противопоставления реализуются в форме противопоставлений «Космос – Хаос». Весь земной, чувственный, телесный мир воспринимался через борьбу Космоса и Хаоса. Космос – это порядок, образ, форма, тело. Хаос – это бестелесность, бесформенность, безобразность. По определению М. Элиаде [9], мифический дракон, встающий против Космоса и стремящийся разрушить его, воплощает в себе образ не только морского чудовища, первого змея, но и бескрайних космических вод, мира теней, мрака и смертей. Отсюда столь важное значение, придаваемое форме, телу, порядку. Все негативные силы, явления, существа, даже человеческие эмоции (ярость, тоска, гнев) так или иначе связаны с Хаосом, выходят из него, являются его порождением. У них либо отсутствует свое тело, и тогда они принимают форму других существ (оборотни), либо они наделены незавершенной, ущербной формой.

Языческая Русь так же, как и другие народы, разделяла эти верования. Добрые и злые пространства – это часть мифологической картины мира, где все взаимосвязано. В эту картину вписан и человек, как часть Космоса, его голографическое изображение. Еще в индоевропейской космологии существовал миф о сотворении мира из тела первого человека Пуруши. Оно покрывает Землю со всех сторон, четверть его послужила материалом для всех живых существ, три четверти – для бессмертного неба. Пуруша – тысячеглав, тысячеглаз, тысяченог. Он воплощает

ет в себе закон «всеединства» мира: он един и в то же время он множественен, он расчленяется на миллионы частиц, равных по своей сути. В древнерусской «Голубиной книге» говорится об Адаме как первочеловеке, из тела которого были созданы все сословия: от головы – цари, от «мощей» – князья и бояре, от «колена» – крестьяне. Тело Адама становится осью мироздания, так как из его головы растет мировое древо, связующее небо, землю и преисподнюю [8, с. 24–25].

Главная ценность, условие благополучной жизни – сохранность имени, замкнутость пространства, целостность телесной формы. Утрата целостности равна смерти, перерождению, переходу в иной мир, раздвоению. Любая физическая неполноценность воспринималась как признак связи с бесформенным хаосом потустороннего мира. Отсюда в древней Руси страх перед числом два, раздвоением тела. Считалось, что двойничество – признак нечистой силы, что сохранилось до сегодняшнего дня в выражении «черта-с-два». Черта можно было убить только одним ударом, а не двумя, второй его оживлял. Нельзя было детям давать одинаковые имена, внуку имя живущего деда. Повторение расценивалось как присвоение чужого тела.

Пространство требовало замкнутости, завершенности, идеальной фигурой считался круг (коло, хоро – круг «молодого» солнца, отсюда ритуальная значимость хоровода). Поэтому особое отношение к границе. Она должна была иметь как можно меньше разрывов. Только тогда конкретное пространство – «законная» часть всеединого космического тела. Оно могло видоизменяться в зависимости от наличия или отсутствия границ. Особое значение имели реки и вода в целом, так как воды протекали по всему космическому телу, по «этому» и «тому» свету.

Хаотичность жизни преодолевалась формой, которая делала частицу мирового тела самостоятельной и живой единицей бытия. Мировое древо («древо жизни») придавало форму и объединяло разные сферы мирового пространства: небесный мир (Правь), земной мир (Явь) и преисподнюю (Навь). Крона его достигает неба, корни опутывают преисподнюю. В русских загадках оно несет организацию не только пространству, но и времени. Например: «Стоит дуб,

на дубу 12 сучьев, на каждом сучке по 4 гнезда, в каждом гнезде по семь яиц».

Граница в космогонии восточных славян обозначала стык мира живого и мертвого, чистого и нечистого, плохого и хорошего. Все отверстия в теле человека, в доме и около него (печь, колодец, окно, дверь) могли впустить нечистую силу. Свои границы следовало защищать, укреплять против нечистой силы. Отсюда страх и особо тщательное выполнение ритуалов на пограничных пространствах (перекресток дорог, порог дома, межа, кладбище, край леса и т. п.).

Дом – это особое, закрытое, безопасное пространство. От закладки фундамента до вселения он «строился» на охранительных ритуалах, гаданиях, жертвоприношениях, обрядах. Отверстия дома, порог, окна охранялись с помощью оберегов, замков, ритуальных запретов. Нельзя было садиться и вставать на порог, здороваться через него, новобрачной воспрещалось касаться его (поэтому жених вносил ее в дом) и т. д. Охранителем границ дома и родовой земли было древнейшее божество Щур (Чур). Щур связан с земным миром, он освящал и защищал право собственности (чур – мое!), оседлость человека на земле, принцип справедливости (чур – пополам!, чур – вместе!). Щур олицетворял дух предков (пращуров). Земля, в которой покоились предки рода, считалась священной, неприкосновенной. По поверьям восточных славян, души тех, кто не уважает святости границ, передвигает межевые камни (столбы), хозяйничает на земле чужих предков, подвергается проклятию.

Отверстия тела человека также должны были охраняться. Языческий поцелуй был заветной «печатью» (само слово происходило от корня «цел»), «целовать» – означало желать телу целостности [6]. Повальное целование русских на свадьбах, поминках, при приеме гостей очень удивляло иностранцев. Сила поцелуя могла быть направлена не только на человека, но и на все остальные части макрокосмического тела. Например, целование земли считалось у древних славян самой страшной клятвой, нарушение которой могло повлечь смерть преступившего ее.

В «Слове об идолах» (XII в.) отмечается, что прежде всего славяне «клали тре-

бы упырям и берегиням» [5], то есть приносили жертвы добрым и злым духам. Каждое мыслимое пространство было сферой господства определенной иерархии богов и духов. Регуляция взаимоотношений с ними позволяла человеку мысленно охватить все пространство и «вписать» в пространственно-временную структуру мира человеческое пространство. Приношения жертв – это самые ранние, ритуальные формы религиозных верований. Принося жертвы, произнося нужные слова в определенном («священном») месте, человек заключал сделку с богами, прося их о помощи. Тем самым он как бы проводил четкие границы между «своим» и «чужим», чистым и нечистым пространством. Эти ритуалы, сохраняемые веками, остались наиболее органичным проявлением понимания и отношения славян к структуре мирового пространства.

Рождение традиции рассмотрения объективного пространства как автономного атрибута всего сущего восходит к эпохе возникновения земледелия и практической астрономии. Время изначально символизировало непостоянство и изменчивость, но изменчивость повторяющуюся, циклическую, которая фиксировала смены положения Солнца, планет и звезд на небосводе, фаз Луны, сезонов года. Пространство, напротив, всегда мыслилось как нечто устойчивое, неподвластное переменам и олицетворенное в неизменности рельефа земной поверхности – взаимного расположения гор и низменностей, морей, больших рек и т. д.

С переходом к аграрной культуре представления о пространстве связываются с конкретной территорией. С зарождением стационарных поселков, городов, древнейших государств связана новая ступень в осмыслении пространственно-временного континуума человека и общества. В древнейших земледельческих цивилизациях, основой жизни которых были грандиозные инженерно-технические системы искусственного орошения, представления о пространстве становятся математически точными, что получило отражение в особой роли астрономии, математики, геометрии. Человек как бы «отрывается» от природного пространства и начинает активно конструировать социокультурное пространство, что

материально выражается в создании искусственного, архитектурно-технического пространства, создаваемого под определенные потребности человека и общества.

С началом процесса урбанизации города становятся узловыми точками напряжения социального пространства, конструирующими его каркас. В мышлении земледельца город являлся центром организации мирового пространства, точкой отсчета земных расстояний и моделью космоса. Образ города проецируется на весь мир. Древние египтяне представляли землю в виде совершенно плоского правильного прямоугольника, по краям которого располагались горы, поддерживавшие «железный небесный свод». В планировке городов воспроизводилась сама форма земли, а их границы ориентировались точно по сторонам света.

Пирамиды, буддийские ступы, храмы и дворцы – это нечто большее, чем монументальные здания. Это точки максимальной концентрации сакрализованных представлений о пространственно-временной системе координат мира. Это особого рода текст, кодирующий коллективные представления о космическом порядке. Каждое строение, каждый его элемент (башни, ступени, окна) выполняли не только функцию жилья или храма, но прежде всего обсерватории, календаря, кода мира в пространственно-архитектурных моделях. Это были точки взаимодействия земного и сакрального пространства.

Архитектурно-технический подход к социальному пространству позволил реализовать одну из основных и исходных целей жизнедеятельности человека – защищенность от внешних воздействий. Первоначально именно стены жилища или городской стены выполняли эту функцию защиты. Поэтому завоеватели, стремясь уничтожить народ, сметали с лица земли все поселения и постройки. Так, римлянами был полностью разрушен Карфаген, а его место распахано. Ордынцы на Руси долга выжигали древнерусские города. Но ведь подобные акции направлены не против архитектурно-городской среды, а использовались как средства борьбы с неприятелем. Их целью было уничтожение условия жизнедеятельности людей, разрушение символов их независимости.

В истории прослеживается и обратная тенденция. Забота о возрождении национального духа диктовала прежде всего строительство городов, создание специальных архитектурных ансамблей, монументальных памятников и т. д. Афиняне, например, несмотря на разрушительные последствия греко-персидских войн, первое, что сделали после победы, начали строительство грандиозного архитектурного ансамбля – афинского Акрополя. Александр Македонский повелевает восстановить Стагиры – родной город своего наставника и воспитателя Аристотеля. Архитектура становится государственным делом, частью идеологии государства, символом его единства, силы, независимости.

Предметом отдельного исследования может стать проблема отражения общественного сознания в архитектурных формах. Архитектура – это концентрированное выражение главных идей определенной исторической эпохи. Грандиозные египетские пирамиды и храмы отражали идею неземного происхождения власти фараона. Древнегреческая архитектура является олицетворением антропоморфизма и гуманизма античной культуры. Главная ее особенность – соразмерность человеческому восприятию и гармония естественного и искусственного пространства. Можно говорить об особом идейном содержании архитектурного пространства «романики» и «готики».

Ярким примером выражения политических доминант, языком архитектуры стало воссоздание Московского Кремля в конце XV – начале XVI века. Новый Кремль, с краснокирпичными стенами, бойницами и боевыми ходами, представлял собой, не только грозную и самую современную по тем временам крепость, не только прекрасный архитектурный ансамбль, вписанный в прихотливый ландшафт Москвы, но и точное отражение главной идеи эпохи – единства России под началом Москвы.

Наверное, самым уникальным памятником идеологии объединения России стал Покровский собор на Красной площади, который в народе называли храмом Василия Блаженного. Прежде всего отметим, что Иван Грозный озаменовал строительством храма победу над Казанским ханством в 1552 г.,

тем самым положив начало традиции знаменовать очередную победу и приращение территории России возведением грандиозных архитектурных сооружений. Поэтому иностранцы замечали, что храм построен скорее для «украшения, чем для моления». В то же время сама эта церковь по архитектурному замыслу является олицетворением единой, централизованной, сильной России. Впервые ансамбль храма идейно объединял девять церквей в честь разных святых, почитаемых в разных землях Руси, а архитектурно – девять объемов.

Следовательно, наряду с влиянием материальных процессов на свойства социального пространства можно поставить вопрос о его идеальных компонентах, более того, проблема пространства тесно связана с системой ценностей человека, поскольку система предпочтений в мировосприятии личности существенно влияет на пространство его жизни. Особенности культурно-исторического развития, традиции, обычаи, предрассудки – все это влияет на пространственные представления людей. Пространство существует независимо от того, имеем мы представления о нем или нет. Но для человека представления о пространстве – важнейшее условие его существования в мире.

Подводя итоги, отметим, что семиотика пространства имеет исключительно важное значение для этнической картины мира, поскольку неизбежным ее фундаментом является пространственная модель универсума. Освоение природного пространства и представления о нем – важнейшее условие каждодневного существования человека, и зависят они от конкретной природно-географической среды и уровня ее освоения. Первичные представления человека о пространстве – есть уже представления о социальном пространстве, поскольку человек, включая в процесс осмысления даже «дикие», неосвоенные природные территории, делает это с целью реализовать свои потребности и планы. Эти представления как бы расслаиваются на две взаимосвязанные сферы: социальное и мифологическое пространство, и если второе «рождается» из первого, то впоследствии мифологическое определяет структурирование социального.

**СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**

1. Агеева, Р. А. Страны и народы: происхождение названий / Р. А. Агеева. – М. : Наука, 1990. – 256 с.
2. Кондаков, И. В. Культура России. Ч. 1: Русская культура: краткий очерк истории и теории / И. В. Кондаков. – М. : Наука, 2000. – 357 с.
3. Лифшиц, М. Мифология древняя и современная / М. Лифшиц. – М. : Прогресс, 1980. – 360 с.
4. Поликарпов, В. С. Время и культура / В. С. Поликарпов. – Харьков : Изд-во ХГУ «Вища шк.», 1987. – 159 с.
5. Рыбаков, Б. Рождение богинь и богов / Б. Рыбаков // Мифы древних славян. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – С. 146–247.
6. Топорков, А. Что мы знаем о поцелуе? / А. Топорков // Наука и религия. – 1990. – № 10. – С. 36–38.
7. Успенский, Г. И. Власть земли / Г. И. Успенский. – М. : Сов. Россия, 1988. – 400 с.
8. Черная, Л. Телесная душа язычества / Л. Черная // Мир истории. – 2001. – № 6. – С. 24–25.
9. Элиаде, М. Космос и история / М. Элиаде. – М. : Изд-во МГУ, 1987. – 144 с.

**“POWER” OF SPACE**

*G.P. Kibasova, A.V. Petrov, T.K. Fomina*

The article studies the exploration of natural space by people as well as the process of its conceptualization which is the critical condition of each person's daily existence. Spatial semiotics is of great significance for the ethnical world view as it is necessarily based on the spatial model of the universe.

**Key words:** *natural space, social space, spatial semiotics, ethnical world view, spatial model of the universe.*